

Андрей Матусовский

*Среди индейцев
Центральной
Венесуэлы*

Андрей Матусовский Среди индейцев Центральной Венесуэлы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15068539

ISBN 9785447436254

Аннотация

Я открыл для себя Америку в 2001 г., когда отправился в первую этнографическую экспедицию к индейцам хотя в венесуэльскую Амазонию. С тех пор я совершил ряд экспедиций к индейцам Амазонии и Оринокии. Материалы экспедиций явились основой для создания серии научно-популярных книг «У индейцев в лесах Амазонки и Ориноко». В книге «Среди индейцев Центральной Венесуэлы» описываются события и приключения, происходившие со мной во время экспедиций к индейцам хотя, ябарана, пиароа, панаре и мако.

Содержание

Малые народы мира	5
От автора	8
Экспедиции в неведомое	14
Глава I. Вверх по Парусито к индейцам хоти	17
Главное – решиться	17
Данди-крокодил	20
Ябарана, идущие по пути перемен	27
Хоти – люди леса	47
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Среди индейцев Центральной Венесуэлы

Андрей Матусовский

Моему отцу посвящается.

© Андрей Матусовский, 2023

ISBN 978-5-4474-3625-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Малые народы мира

Документальный научно-популярный проект

Меня часто спрашивают: «Почему тебя это интересует?»

У меня есть емкий единственный ответ – мне это интересно!

В мире проживает около 2000 различных народов, говорящих на 5000 языках и наречиях. Все они имеют свои характерные обычаи и традиции, религии и антропологические особенности. Но современный ритм жизни стремительно подгоняет нас под одну единую урбанизированную гребенку, сглаживая существующие различия между народами, размывая границы этнической идентичности. В культурной динамике постоянно происходящих этно-исторических процессов, в отличие от малочисленных народов, многочисленные, доминантные этносы имеют гораздо более устойчивый иммунитет сохранения своей самобытности в современном урбанизированном мире.

Малые народы мира – это этносы, численность которых в значительной степени отличается от доминантных народов мира. Такие народы есть на всех континентах – в Евразии и Америке, Африке и Австралии. Наряду с многочисленными народами они создают великолепное пестрое разнообра-

зие форм человеческой культуры.

Как правило, малые народы мира – это отдельные живущие в наименее доступных регионах нашей планеты племена и народности, сохранившие до наших дней свой самобытный образ жизни. Их культуры совсем не похожи на европейскую и российскую, но они являются неотъемлемой частью мировой культуры.

Объект интереса проекта – культуры малых народов мира, быстро исчезающие под натиском современной цивилизации.

Цель проекта – исследование и документирование исчезающих культур малых народов мира, всесторонняя популяризация результатов осуществленных исследований в средствах массовой информации и научной периодике.

Направленность проекта – историко-этнографическая.

В рамках проекта проводятся экспедиции к малым народам мира. В зависимости от региона, ставящихся задач и целей, имеющихся для реализации очередного этапа проекта средств, количество членов экспедиции составляет 2—4 человека.

Проект «Малые народы мира» является долгосрочной и открытой для партнерства программой. К сотрудничеству по популяризации материалов, привозимых экспедициями проекта, приглашаются все заинтересованные организации и частные лица.

Индейцы гуахиро, населяющие засушливые земли на по-

граничном колумбийско-венесуэльском полуострове Гуахи-ро, верят, что человек умирает трижды. В первый раз наступает естественная физическая смерть. Умершего хоронят, и его тело лежит в земле семь лет, пока не сгниет плоть, и не останутся одни лишь кости. Во второй раз – через семь лет – прах умершего достают и отделяют кости от остатков плоти, затем отдельно захоранивают кости – тогда наступает вторая смерть. В третий раз – когда память о человеке забывается, стирается из памяти живых. И душа человека переселяется в царство духов уже навсегда.

Я не хочу, чтобы память о малых народах, их культурах и традициях исчезла из памяти моих современников, даже если они за суетой обыденной жизни считают, что это знание им совсем не нужно и не интересно, а носителей и представителей некоторых аборигенных культур уже и вовсе нет в живых на земле. У нас общее прошлое, общая история – как это кому-то не покажется странным. Только через осознание окружающего нас культурного разнообразия мы сможем понять самих себя.

От автора

Как и многие мальчишки, в детстве я до дыр зачитывал книги об индейцах. Меня притягивали романтика и экзотика таинственных вечнозеленых тропических лесов Амазонки и Ориноко, под пологом которых жили люди, чей быт, обычаи и нравы столь разительно отличались от наших.

Годами позже я всерьез увлекся изучением жизни и культуры индейцев тропических лесов и льяносов Южной Америки.

Дни напролет просиживая в читальных залах библиотек, конспектируя специальную литературу по этнографии Южной Америки, я мысленно переносился на другую сторону земного шара – туда, где жили индейские племена, объекты моих мечтаний и исследований. Закрывая глаза, я видел бескрайнюю уходящую за горизонт сельву, дымящиеся индейские костры, воинов, отправлявшихся на охоту, шаманов, начинавших затягивать ритуальные песни. Мне очень хотелось оказаться среди этих людей, чтобы воочию наблюдать их жизнь, фиксировать и исследовать их своеобразные обычаи и традиции.

Мои детские мечты осуществились. Я открыл для себя Америку в 2001 году и с тех пор подготовил и осуществил несколько экспедиций к индейцам венесуэльской, перуанской, эквадорской, бразильской и колумбийской частей

Амазонии. Материалы, собранные во время этих экспедиций, явились основой для написания многочисленных научно-популярных и научных статей. Однако формат всех этих изданий не позволял в полной мере отразить весь объем письменного и фотографического материала, имевшегося в моем распоряжении. Со временем у меня возникла идея создать серию научно-популярных книг «У индейцев в лесах Амазонки и Ориноко», посвященных моим экспедициям к индейцам тропических лесов и льяносов бассейнов рек Амазонки и Ориноко, написанных в жанре познавательного путешествия.

В книгах серии «У индейцев в лесах Амазонки и Ориноко» я планирую рассказать о событиях и приключениях, происходивших со мной во время экспедиций, осуществленных в рамках документального научно-популярного проекта «Малые народы мира», автором и руководителем которого я являюсь. Прочитав эти книги, вы сможете узнать как о повседневной жизни индейцев Амазонии и Оринокии, так и об их своеобразных обычаях и верованиях. Что привычно и обыденно индейцу из тропического леса, европейцу может показаться жутким и даже отталкивающим.

Часто густые тропические леса бассейнов рек Амазонки и Ориноко представляются в сознании европейского обывателя зеленым адом: влажный жаркий климат, полчища назойливых насекомых, всевозможные тропические болезни с труднопроизносимыми названиями. Все это так. Однако

эти леса стали родным домом для индейских племен, живущих здесь веками устоявшейся размеренной жизнью, продолжающих практиковать удивительные и порой экзотические ритуалы.

Книга «Среди индейцев центральной Венесуэлы» является первой в серии. Описываемые в ней события относятся к 2001, 2002, 2006, 2010 и 2012 годам, в которые были осуществлены экспедиции к индейцам хоти, ябарана, пиароа, панаре, мако.

В апреле-мае 2001 года я поднялся вверх по реке Парусито и далее по ее левому притоку – реке Каньо-Бандарита, достигнув еще нетронутых современной цивилизацией исконных земель проживания хоти на границе федеральной территории Амазонас и штата Боливар.

Хоти по праву считаются одним из самых изолированных индейских этносов Венесуэлы. Они во многом сохранили свою первозданную культуру коренных обитателей южноамериканского дождевого леса, продолжают охотиться с помощью духовой трубки и отравленных стрел, могут трением добыть огонь.

Мне было приятно осознавать, что я стал первым россиянином, побывавшим у этих индейцев. В ходе экспедиции я также посетил ябарана, о которых до сих пор мало что известно в России.

В ноябре 2002 года целью экспедиции стали селения пиа-

роа в верховьях реки Паргуассы, правого притока Ориноко.

Пиароа верховьев реки Паргуассы продолжают сохранять традиционный уклад жизни, избегают контактов с чужаками. Во время ежегодного ритуала вариме они надевают ритуальные маски, олицетворяющие добрых и злых духов, которые запрещено видеть посторонним. Все участники ритуала вдыхают галлюциногенный порошок, помогающий им общаться с духами.

Из-за непредвиденных обстоятельств, о которых вы прочтете в книге, мне пришлось кардинально изменить маршрут экспедиции.

Я побывал в селениях пиароа бассейна реки Сатаниапо, правого притока Ориноко, и в одной из деревень панаре в горах Серрания-де-ла-Сербатана.

В апреле-мае 2006 года я посетил панаре на небольшой реке Каньо-Кулебра, левом притоке реки Парусито, в горах Сьерра-де-Маугуалида.

Вопреки ожиданиям и к моему горькому и неподдельному разочарованию, процесс аккультурации среди панаре этого изолированного региона зашел очень далеко. Как оказалось, панаре Каньо-Кулебра, хотя и продолжают оставаться, наряду с хоти, последними индейцами Венесуэлы, использующими для охоты духовые трубки с отравленными стрелами, тем не менее стремительно теряют многие элементы своей традиционной культуры.

В январе 2010 года я прошел по рекам Ориноко – Венту-

ари – Асита, частично повторив маршрут экспедиции Теодора Кох-Грюнберга – выдающегося немецкого исследователя Южной Америки, 100 лет назад прошедшего по неисследованным районам Гвианского плоскогорья. Я посетил пиароа, в том числе их подгруппу мако. Конечной целью экспедиции стала одна из общин южных групп хоти на реке Асита, правом притоке реки Вентуари.

В октябре-ноябре 2012 года я вновь отправился к хоти. Река Парусито, левый приток реки Манапиааре, несущей свои воды в Вентуари и далее в Ориноко, очерчивает западную границу территории проживания хоти. Мелководные левые притоки Парусито: Махагуа, Каньо-Бандарита, Каньо-Москито, ширина которых не превышает и десяти метров, берут свое начало в горах Сьерра-де-Маигуалида. На их берегах расположились деревни и охотничьи лагеря хоти – малочисленные людские сообщества, чье существование зависит от охоты, подсечно-огневого земледелия, рыбалки и собирательства. В сухой сезон уровень воды в реке Парусито резко падает. Подняться вверх по обмелевшей реке, чье русло загромождено стволами упавших деревьев, возможно только на узком индейском каноэ, выдолбленном из цельного ствола дерева.

Экспедиция посетила деревни хоти на берегах рек Каньо-Москито, Каньо-Бандарита, Каньо-Махагуа, деревню ябарана Чирино на реке Парусито.

По прошествии одиннадцати лет было интересно, позна-

вательно и приятно вернуться к старым знакомым – увидеть, как они живут сегодня, что изменилось в их жизни за последние годы.

Я искренне надеюсь, что рассказ о трудных и рискованных путешествиях, предпринятых мной к индейцам центральной Венесуэлы, будет не только увлекательным, но, прежде всего, познавательным для большинства российских читателей, знакомство которых с культурой малых народов мира ставит своей главной целью проект «Малые народы мира».

В путь, мой дорогой читатель!

Андрей А. Матусовский

Экспедиции в неведомое

«Мне посчастливилось знать многих путешественников. За почти двадцать лет работы в журнале «Вокруг света» перебивали все, без кого впоследствии не проходила ни одна пресс-конференция или презентация на географическую тему, – Яцек Палкевич и Виталий Сундаков, Федор Конюхов и Владимир Чуков... Большинству из них старый добрый журнал дал путевку в жизнь, научил складно излагать свои мысли, писать статьи и очерки, а позже и книжки...

Жаль, что в те годы Андрею Матусовскому, чью книжку предваряет это короткое слово, было еще слишком мало лет, чтобы путешествовать в дальние страны, – уж больно подходящими, как это ни покажется странным на первый взгляд, оказались те 1990-е годы для подобных странствий! Но зато он наверстал упущенное в следующих веке и тысячелетии и ездил не куда-нибудь в Турцию или на Кипр, а в Южную Америку, в наиболее труднодоступные ее части, к племенам, о которых у наших этнографов имелись весьма смутные представления...

Вообще хочется подчеркнуть, что проект «Малые народы мира», разрабатываемый автором, весьма гуманистичен по сути: нынешние годы (ну десятилетия) могут оказаться последними для многих племен и народностей планеты, доживающих свой век, не будучи даже толком открытыми!

И Андрей Матусовский, историк по образованию и путешественник и исследователь по призванию, спешит «открыть» их для мира, не хочет, чтобы они исчезли прежде, прежде чем о них узнают ученые, и стремится хоть что-то сделать для их сохранения на земле.

Жаль только, что сподвижников в этом нелегком деле ему редко удастся разыскать на нашей планете и тем более у нас в России, занятой своими насущными делами...

Надеюсь, что эта книга Андрея Матусовского об индейцах Амазонии кого-то заставит задуматься о судьбах наших соседей по планете и станет «первой ласточкой» в серии книг о малых народах Земли».

*Николай Николаевич Непомнящий,
главный редактор журнала «Путешествие по свету»,
член Союза писателей РФ*

«Хоти – один из наиболее интересных индейских народов южной Венесуэлы, реликт докарибского населения региона. Крайне мало этнографов побывало у хоти, поэтому любая новая информация о них чрезвычайно ценна. Андрей Матусовский обладает опытом полевой этнографической работы в Амазонии и необходимой теоретической подготовкой, и его сообщения вполне достоверны».

*Березкин Юрий Евгеньевич,
доктор исторических наук,
заведующий отделом Америки
Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург*

Глава I. Вверх по Парусито к индейцам хоти

Главное – решиться

Найти компаньона для поездки в Амазонию оказалось совсем не просто. Все хотели увидеть буйство тропиков, но при этом боялись тропических болезней, высокой влажности и жары, всевозможных ползающих жалящих и кусающих насекомых и змей. Их страх мне был понятен – я точно так же боялся всего этого!

Но я был одержим идеей увидеть жизнь лесных индейцев и прожить вместе с ними какое-то время в первобытном тропическом лесу. И вот настало время, когда мое желание победило мой страх, и, так и не найдя себе компаньона, я решил ехать в Амазонию один! Уже после того, как я принял для себя это решение, мне представился случай.

В немецкоязычной части интернета висело маленькое неброское частное объявление: «Могу быть проводником к лесным индейцам Венесуэлы, пишите». Я написал, мне ответили... Так я познакомился с Акселем. Он оказался немцем, уже много лет живущим в Венесуэле и побывавшим во многих изолированных индейских племенах.

– Ты с ума сошел, – говорили все вокруг, – один едешь на другой конец света, к диким индейцам, какой-то немец должен тебя встретить где-то на аэродроме посреди джунглей в Южной Америке.

Всего этого я уже не слушал – я готовился к отъезду. Только одержимый мог понять одержимого, что такие объявления не дают компьютерные злодеи, и это мой шанс, который я не должен упустить.

Мой международный медицинский сертификат пополнился записями о прививках от желтой лихорадки, гепатита А и Б, брюшного тифа. И, заручившись для дополнительной страховки рекомендательным письмом от иллюстрированного глянцевого журнала о путешествиях, я отправился в посольство Венесуэлы получать визу.

– Вы хотите поехать к лесным индейцам Венесуэлы? – удивленно спросил меня консул. – Вы первый россиянин, который обращается к нам с подобной просьбой. Но почему? Туда, куда вы хотите поехать, не ездят туристы, там нет ни отелей, ни кемпингов.

– Меня не интересуют кемпинги и туристические центры. Я хочу увидеть, как живут индейцы хотя, продолжающие вести традиционный образ жизни.

– Хотя? Есть такой народ?.. Хм-м, хм-м, не знаю, не знаю... Вы знаете, что российским гражданам мы можем выдать туристическую визу сроком не более чем на двадцать один день пребывания в Венесуэле, и вам, скорее все-

го, не хватит этого времени, чтобы осуществить ваши планы, ведь индейцы постоянно кочуют по лесу. Где вы их найдете? Вероятно, необходимо также специальное разрешение для посещения изолированных индейских племен – всего этого я здесь в Москве не знаю. А что если вам не удастся там, на месте, получить такое разрешение, и где вы будете тогда находиться все эти дни? Хм-м, хотя, не знаю, не знаю... Мы вам сообщим о нашем решении через пару дней...

Через несколько дней, прошедших после этой беседы, я, имея годичную въездную венесуэльскую мультивизу, уже выходил из здания международного аэропорта Майкетия в Каракасе – видимо, консул в Москве решил, что я буду слишком долго выбираться из леса, и выдал мне «индальгенцию» для посещения своей страны.

После того как я получил багаж, стало ясно, что приключения начались практически сразу же – моя одежда, предназначенная для экспедиции, рекомендательное письмо и еще несколько нужных вещей, лежавших в одном из отделений моего рюкзака, были украдены.

Данди-крокодил

Утром следующего дня я прилетел в город Пуэрто-Аякучо – столицу федеральной территории Амазонас. У выхода из здания аэропорта меня окликнул какой-то загорелый европеец с седой бородой. Его звали Аксель, именно с ним мы и списывались по интернету. Он сразу же познакомил меня со смуглым метисом – Эктором, которого представил в качестве своего компаньона и моториста.

Вид на Ориноко в окрестностях Пуэрто-Аякучо

Консул в Москве оказался прав – для посещения индейских территорий требовалось специальное разрешение местного муниципалитета, иначе ни о каком полете вглубь джунглей не могло быть и речи. Благодаря Акселю мы быстро оформили на меня такое разрешение и уже к обеду были готовы к вылету.

Перед отлетом решили поесть и зашли в один из местных баров. В помещении царил полумрак, за столиками сидели несколько метисов, на стенах висели портреты Че Гевары. И вдруг я вижу на стене увеличенную в человеческий рост фотографию семьи Ульяновых! Аксель изучает меню, а я стою и не могу надивиться.

– Пойдем отсюда, тут все дорого, – наконец, говорит он.

– Как это понять? Ладно, Че Гевара, но Ленин в Пуэрто-Аякучо? – не скрывая своего изумления, спрашиваю я его.

Аксель (слева) и Эктор на фоне этнографической коллекции, собранной Эктором

– А-а, ничего удивительного. Этот бар держат какие-то левые радикалы. Вот они и развесили эти портреты.

С Акселем и Эктором я лечу из Пуэрто-Аякучо в Сан-Хуан-де-Манapiаре – небольшой административный центр на севере федеральной территории Амазонас.

Маленький старый одномоторный самолетик «Сессна» плавно парит над пологом тропического леса, который начинается сразу же за окраиной Пуэрто-Аякучо. Внизу видны то изгибы мутной желтой реки, то водопады и горы. Вдруг посреди зеленого ковра джунглей мелькает селение с несколькими высокими конусообразными крышами, крытыми пальмовыми листьями.

– Что это? – стараясь заглушить шум мотора, кричу Акселю.

– Деревня индейцев пиароа.

Деревня индейцев пиароа, состоявшая как из прямоугольных строений, так и из традиционных конусообразных хижин, расположилась всего в нескольких минутах лета от Пуэрто-Аякучо. На ее окраине начинается густой лес.

Через час лета наша «Сессна» приземляется в Сан-Хуан-де-Манapiаре. Мы выходим из самолета. На меня с любопытством смотрят индейцы пиароа, окружившие самолет, – коренные обитатели здешних мест.

Однако, согласно материалам переписи индейского населения Венесуэлы, проводившейся в период 1982—1983 годов, уже в начале 1980-х годов в Сан-Хуан-де-Манапиа́ре проживали не только индейцы пиароа, но и банива, баре, гуахибо, шапоко, пуинаве, ябарана, екуана. Общая численность населения поселка составляла пятьсот девяносто семь человек, среди которых были и не индейцы.

В Сан-Хуан-де-Манапиа́ре мы должны взять каноэ, закрепить на нем мотор, загрузить наши вещи, продукты и канистры с бензином.

У меня остаются неразрешенными две проблемы: где купить змеиное противоядие и как быть с чистой питьевой водой во время нашего пребывания в лесу. Я задаю эти вопросы Акселю. Его ответы на них поражают меня до глубины души.

Касательно змей он весело мне ответил, что все местные змеи очень ядовитые и именно поэтому никаких сывороток брать с собой не будем!

– Мы не сможем определить, какая именно по виду змея укусила, и, получив неверную инъекцию, человек быстрее лишь опухнет и умрет от какой-нибудь аллергии, – поясняет он. – Если же кого-либо и укусит змея, то мы в срочном порядке будем возвращаться по реке до Сан-Хуан-де-Манапиа́ре, где есть больница с необходимыми лекарствами.

Мой вопрос о чистой воде он вообще, по-моему, не понял. – А зачем? Ведь есть река, из нее и будем пить.

Однако я настоял на своем, и в местной бакалейной лавке специально для меня был куплен раствор хлора. Аксель же и мои проводники на протяжении всего пути безо всякой дезинфекции преспокойно черпали пластиковой кружечкой воду из реки и пили ее.

На следующее утро мы отправляемся в путь. Двигаясь вверх по реке Манапиаре, а затем по ее левому притоку реке Парусито и далее по реке Каньо-Бандарита, через несколько дней мы должны достигнуть страны индейцев хотя – горы Сьерра-де-Маигуалида.

Аксель, и так выглядевший весьма живописно, – смуглая загорелая кожа, ковбойская шляпа с кожаной тесемочкой, оказался еще к тому же и весьма колоритным человеком.

В то время, когда я впервые его увидел, ему исполнилось сорок шесть лет. Он родился и вырос в Германии на берегу Боденского озера в городе Констанц. В середине 1980-х годов он впервые приехал в Венесуэлу и влюбился в эту страну, решил остаться здесь жить. Сначала он купил пять гектаров тропического леса на берегу реки Манапиаре. Местные индейцы пиароа помогли ему построить небольшой дом. В нем он и прожил один первые пять лет, разводя кур и выращивая манго, до тех пор, пока в амазонскую глубинку не приехала на практику молодая красивая венесуэлка-врач. Они поженились, и сейчас у Акселя двое детей и свой дом в Пу-

эрто-Аякучо. Однако большую часть своего времени Аксель проводит в постоянных путешествиях по сельве.

– Какие разные все люди, Аксель. Из Восточной Европы едут к вам в Германию, стараются там осесть. А немцы уезжают в Южную Америку, в Амазонию. Как все это понять?

– Не знаю. Но мне очень нравится моя нынешняя жизнь. Немцы – они спят все на ходу, а здесь – живые непосредственные люди.

– Знаешь, ты не Аксель – ты Данди-крокодил! Помнишь, как тот герой популярного австралийско-американского боевика?

– А меня так и называют в немецком посольстве в Каракасе, – смеется и поправляет свою ковбойскую шляпу с широкими полями и кожаной тесемочкой.

Ябарана, идущие по пути перемен

В бакалейной лавке в Сан-Хуан-де-Манапиааре Аксель покупает пачку сигарет.

– Зачем тебе сигареты, ведь ты не куришь? – спрашиваю я его.

– На реке Парусито есть несколько порогов, через которые мы должны будем пройти на каноэ. Около них всегда стоят индейцы ябарана – они и помогут нам перетащить наше тяжелое каноэ через пороги, а мы их отблагодарим за это сигаретами.

Так и оказалось. Через двадцать километров движения вверх по реке Парусито дальнейший путь нам преграждает сильный и бурный поток. Это порог Рудольфо Саломон. Перед самой стремниной к берегу пришвартовано длинное узкое выдолбленное из цельного древесного ствола индейское каноэ. Рядом с ним стоят его хозяева – индейцы ябарана. В каноэ у них лежат ружье и явно совсем недавно подстреленный на охоте тапир.

*Равнинный тапир (*Tapirus terrestris*) широко распространен в лесах Южной Америки, от лесов бассейна реки Ориноко до Северной Аргентины. Это крупное непарнокопытное животное с длиной тела около двух метров, высотой в холке около одного метра и массой до двухсот килограммов, отли-*

чительной чертой которого является небольшой подвижный хобот, завершающийся пяточком. Тапир – один из главных объектов охоты для индейцев тропических лесов бассейна рек Ориноко и Амазонки. На него охотятся, прежде всего, из-за вкусного и питательного мяса.

Детеныши тапира легко приручаются, поэтому домашних тапиров можно часто видеть в индейских деревнях.

Ябарана, и правда, знают, зачем они здесь. За несколько сигарет индейцы действительно готовы помочь перетащить нашу лодку через порог. Пока ябарана с моими проводниками медленно тянут каноэ через бурлящую стремнину, я пробираюсь через джунгли вдоль берега, попутно делая несколько снимков событий, происходящих в этот момент на реке.

Порог остается позади, мы благодарим ябарана за помощь и продолжаем свой путь вверх по реке Парусито. Но река не дает нам расслабиться – впереди бурлит новый порог. Помошников ябарана не видно. Нас остается только трое, поэтому Аксель надрывно кричит мне: «Снимай штаны, прыгай в воду, ты сейчас нам нужен – поможешь перетащить лодку через порог!» Я раздеваюсь и быстро прыгаю за борт. Не без усилий мы протаскиваем тяжелое выдолбленное из цельного древесного ствола каноэ через опасные буруны.

По материалам переписи индейского населения Венесуэ-

лы 1982—1983 годов, все ябарана проживали в федеральной территории Амазонас. Их общая численность оценивалась в 150 человек, что составляло лишь 0,11% от всего индейского населения Венесуэлы.

Деревни этих индейцев, удаленные друг от друга на несколько километров, расположены по берегам рек Маннапиаре – Парусито – Каньо-Бандарита. Они ведут оседлый образ жизни и поддерживают дружественные отношения как с креольским населением Венесуэлы, так и со своими ближайшими соседями – индейцами пиароа, панаре и хоти. Ябарана практикуют подсечно-огневое земледелие, выращивая горький маниок, различные сорта бананов, сладкий перец, ананасы, манго, содержат кур. В тех местах, где лес переходит в льяносы, разводят крупный рогатый скот.

Маниок (Manihot esculenta) – растение из семейства молочайных, одна из важнейших сельскохозяйственных культур тропической Америки. Размножается черенками. В пищу используются большие клубнеобразные корневища, которые можно выкапывать по мере надобности. Наиболее ценная в пищевом отношении разновидность, так называемый горький маниок, содержит синильную кислоту. Чтобы ее удалить, клубни очищают, вымачивают в воде, затем растирают на терке, и из получившейся массы отжимают ядовитый сок. Маниоковый крахмал допускает длительное

хранение и служит для выпечки лепешек, которые в венесуэльской Амазонии и индейцы, и креолы называют касабе.

В отличие от маниока, деревья манго исторически не росли в Южной Америке. Родина манго в Индии. В Южную Америку манго завезли европейцы, и сейчас манговые деревья широко распространены по всему континенту. Их активно культивируют индейские племена. В бассейнах рек Манапиа́ре и Парусито плоды манго созревают в апреле-мае, и если их не срывать, то переспевшие фрукты, срываясь с веток, падают на землю. Находясь под кроной мангового дерева, можно получить болезненный удар по голове увесистым плодом.

Для ябарана характерна высокая дисперсность расселения, и это обстоятельство отнюдь не способствует сохранению культурной идентичности этого малого народа. Более или менее компактно они проживают лишь в нескольких небольших деревнях, расположенных на берегах реки Парусито. Помимо этого, региона некоторые ябарана также живут в городках Сан-Хуан-де-Манапиа́ре и Сан-Фернандо-де-Атабапо.

Материальная культура ябарана близка как культуре индейцев пиароа, так и сельского креольского населения Венесуэлы. Современные ябарана не ходят в набедренных повязках, а носят одежду креольского типа. Говорят как на языке ябарана, относящемся к карибской группе языков, так

и на испанском.

В первый день нашего путешествия по реке Парусито останавливаемся в деревне Махагуа, где совместно проживают около пятидесяти индейцев пиароа и ябарана. У них мы должны взять помощника для дальнейшего похода к хоти.

Пользуясь случаем, решаем раздобыть у местных жителей фруктов в дорогу.

Мужчина средних лет ведет нас на плантацию, которая находится в лесу недалеко от деревни. Тропа уходит вглубь леса. За нами бегут двое любопытных мальчишек, которые с интересом разглядывают меня.

«Надо бы им что-нибудь показать или подарить», – думаю я. Но что?

Под руку попадают деревянные зубочистки. Показываю, как ими надо пользоваться, ковыряю в зубах и демонстративно сплевываю условно извлеченные остатки пищи. Мальчишки заворуженно смотрят. Получают в подарок несколько штук зубочисток. Тут же повторяют мои движения, точно так же деловито сплевывают, – на их лицах гримаса разочарования и недоумения – зачем все это, и тут же выбрасывают никчемный подарок.

Дети ябарана деревни Махагуа

Плантация ябарана представляла собой классический пример ведения подсечно-огневого земледелия. Среди джунглей была сделана расчистка размером сто на тридцать метров: большие деревья срубили и после того, как они высохли, их сожгли. В беспорядочном нагромождении повсюду валялись обугленные недогоревшие стволы. Среди этого древесного беспорядка индейцы посадили бананы и другие культурные растения.

Расчистка густого леса под возделываемое поле – тяжелый трудоемкий процесс, поэтому при ведении подсечно-огневого земледелия характерна система, при которой на небольшой площади обрабатываемого пространства одновременно, в целях экономии места, на ограниченном участке высаживают сразу несколько культивируемых растений.

Автор книги в деревне Махагуа

На деревьях почти нет плодов.

– Сухой сезон – все высохло, – поясняет Аксель.

Возвращаемся обратно в деревню. Сопровождающий нас индеец предлагает нам взять с собой копченое мясо тапира. Над слабо тлеющими углями сооружена решетка из прутьев, на ней лежит мясо.

– Хочешь попробовать? – спрашивает Аксель.

Еще бы нет! И тут я вижу, как он протягивает руку к лежащим кускам, а от них с жужжанием разлетается целая стая зеленых мух. Сам кусок с коричневатой не то шерстью, не то щетиной. Ябарана наблюдает за мной. Делать нечего, сохраняя спокойствие, двумя пальцами отламываю маленький кусочек. Да, действительно, вкусно. Но мухи, щетина, жара... Тут же отворачиваюсь и тайком проглатываю сильнодействующий антибиотик. Берем в дорогу у ябарана спелые плоды манго и немного мяса тапира.

Эктор и Аксель оживленно беседуют с хозяином дома, который попутно предлагает выпить забродившего пива местного производства. Аксель берет калебас, зачерпывает в деревянном корыте хмельного напитка, с удовольствием пьет.

Калебас – миска, может быть различной формы и емкости, изготавливаемая из твердой скорлупы различных видов тропических плодов и фруктов. В качестве повседневной ку-

хонной утвари широко используется во всех индейских племенах, проживающих в бассейнах рек Ориноко и Амазонки.

– Андрей, хочешь пива ябарана? – вновь спрашивает меня Аксель.

Подхожу к корыту, заглядываю. В пиве, видно невооруженным глазом, плавают не то инфузории-туфельки, не то еще какие-то каракатицы. Старательно сдерживаю эмоции – нельзя обидеть гостеприимных хозяев дома – отказываюсь. Так мне никаких антибиотиков не хватит!

Жилище пиароа в деревне Махагуа

Среди традиционных индейских построек с крышами, крытыми пальмовыми листьями, стоит какое-то небольшое недостроенное заброшенное каменное строение.

– Что это за постройка? – интересуюсь я.

– Власти из Сан-Хуан-де-Манапиаре решили построить здесь школу для детей ябарана. Здесь нет дорог. Кирпич для строительства завозят в сезон дождей, когда поднимается уровень воды в реке, на большой лодке из Сан-Хуан-де-Манапиаре.

Для себя я делаю вывод, что школу, видимо, достроят к концу следующего сезона дождей, в большую воду.

Ябарана во многом утратили свою культурную идентичность, поэтому сегодня представляется достаточно проблематичным судить об исконной форме их традиционного жилища. В разные годы мне довелось наблюдать различные типы жилищ у этих индейцев.

В 2001 году у ябарана мной были зафиксированы прямоугольные хижины под двускатными крышами, крытыми пальмовыми листьями, не имевшие стен либо имевшие лишь продольные стены, сделанные из расщепленных пальмовых стволов.

В 2006 году, вернувшись в Махагуа во время проведения своей четвертой экспедиции, я увидел построенную ябарана хижину в форме овала со стенами из перекрещенных жер-

дей, обмазанных глиной.

В Махагуа стоит и традиционное, хотя несколько и видоизмененное, жилище индейцев пиароа – круглое в плане строение с высокой конусообразной крышей.

Аутентичной формой жилища у пиароа является остроконечный круглый в плане постепенно расширяющийся к низу и спускающийся до самой земли купол, крытый пальмовыми листьями. Под влиянием креольской культуры пиароа стали возводить дома с решетчатыми стенами, обмазанными глиной, сохраняя при этом куполообразную форму крыши. Лишь в немногих наиболее удаленных и изолированных от цивилизации местах пиароа продолжают строить традиционное жилище с крышей, спускающейся до самой земли и служащей одновременно стенами.

Ябарана и пиароа используют для покрытия крыши большие длинные пальмовые листья. На их стеблях расположено множество осокообразных длинных листочков, расходящихся в противоположные друг от друга стороны. Перед тем как начать их укладывать на каркас крыши, заготовленные заранее листья тщательно высушивают особым способом.

Внутренняя сторона крыши жилища ябарана

Осокообразные листочки одной стороны стебля загибают, поворачивают на 180 градусов параллельно листочкам другой стороны. В таком сложенном пополам состоянии пальмовый лист оставляют под гнетом на солнцепеке. После того как листья полностью высохнут, получаются готовые заготовки. На жерди крыши их укладывают, начиная снизу вверх, параллельно земле, очень плотно подгоняя одну заготовку к другой таким образом, чтобы осокообразные листочки шли плотным настилом один на другой сверху вниз. При этом каждую заготовку аккуратно привязывают лианами во всех местах ее пересечения с жердями – получается надежная водонепроницаемая крыша, которой не страшен ни один тропический ливень и которая прослужит своим хозяевам несколько лет.

Идем дальше вверх по реке, проплываем очередную деревню ябарана. Плыдем мимо, не останавливаемся. На шум мотора выбегает почти все население деревни – чумазы дети, мужчины, женщины. И вдруг вижу за ними одинокую белую женщину, блондинку, печально глядящую нам вслед.

«Кто такая, откуда она здесь одна среди индейцев»? – думаю.

Аксель тоже не знает и не понимает. На обратном пути мы сделали остановку в этой деревне. Никакой белой женщины уже не было. Мои проводники разговорились с индей-

цами. Оказалось, что белая женщина недавно уплыла – она польский антрополог. В Сан-Хуан-де-Манапиааре расположена католическая миссия, где есть польские миссионеры. Видимо, оттуда она и пришла в отдаленную деревню ябарана на реке Парусито.

На ночлег останавливаемся в доме ябарана, который помог нам перебраться через пороги. Хозяин остался на порогах, а в доме хозяйничают его родственники. Дом крепольского типа, под рифленой металлической крышей, стоит в льяносах у подножия гор Сьерра-де-Маигуалида. Рядом с домом расположен открытый навес, опорные столбы поддерживают конусообразную крышу, крытую пальмовыми листьями, – это гостевой дом, где гости могут развесить свои гамаки. Чуть поодаль – загон для скота.

Хозяева гостеприимны – угощают нас супом из пираньи. Он приправлен таким количеством перца, что даже я, любитель острого, начинаю кашлять – перебивает дыхание. Отдельно подается маниоковая крупа, которую по вкусу добавляют в суп. Она разбухает в горячей воде – получается сытная похлебка.

Из Махагуа пешком приходит молодой ябарана – он пойдет с нами дальше и будет помогать готовить еду, пока мы будем жить у него.

Завязывается разговор с хозяевами ябарана. Рядом, приклоненная к стене, стоит длинная духовая трубка хозяина – мужчины средних лет, как выясняется, он купил ее у индей-

цев екуана. На земле лежат стрелы для духовой трубки. Молодые родственники убирают с глаз долой оружие, заботливо укладывая его на низко свисающую кровлю крыши.

Торговый обмен широко развит между индейскими племенами тропических лесов и льяносов Южной Америки, в значительной степени способствуя взаимопроникновению культур.

Вокруг нас вьется маленький сын хозяина, всячески пытаясь привлечь к себе внимание гостей. У него странная прическа – ото лба до середины головы все волосы аккуратно выбриты. Показываю на прическу мальчика и спрашиваю Акселя: «Это традиционная прическа ябарана?»

Аксель как-то странно отвечает, ничего не поясняя при этом: «Это его отец так подстриг. Его все считают немного сумасшедшим».

Я так ничего и не понял – то ли это традиционная прическа ябарана, то ли во всем виноват неуравновешенный характер отца мальчика. Угощаю мальчугана витаминами С, которые я прихватил с собой из Москвы для поддержания сил. Он ест их как конфеты и старается повторить незнакомое ему слово по-русски: «Витаминá».

Эктор – наполовину индеец барé, он часто сопровождает Акселя в его путешествиях. С Эктором я решаю разведать ближайшие окрестности, и мы отдаляемся с ним от при-

ютившего нас дома ябарана.

Здесь у подножия гор Сьерра-де-Маигуалида раскинулась широкая равнина. Кругом ни души. Вдруг я замечаю на земле следы множества босых человеческих ног.

– Чьи это следы? – спрашиваю на русском, показывая на отпечатки.

– Индейцев панаре, – понимает он мой вопрос и отвечает на испанском.

– Куда они ведут? – продолжаем изъясняться на ломаном испанско-русском эсперанто, помогая себе жестами.

– В их деревню, – показывает за горы, – идти туда всего два часа, – показывает на часы.

На следующее утро ябарана помогают нам донести наши вещи до реки и уложить их в каноэ. Мы прощаемся с ними и отправляемся дальше в путь вверх по реке Каньо-Бандарита. Сегодня мы должны увидеть индейцев хотя бы.

– Аксель, ты видел анаконду?

– Я – нет, ее очень сложно увидеть.

– А ты, Эктор?

– Я видел, но только один раз. Я был в лодке на реке и вдруг смотрю, подняв голову над водой, совсем рядом вдоль берега плывет анаконда. Очень большая, на меня даже внимание не обратила.

Сильный тропический ливень неожиданно застает нас на реке. Наше каноэ начинает быстро заполняться водой. Чтобы окончательно не намокнуть, мы причаливаем к бере-

гу и прячемся под крону тропического леса. Но дождь настолько сильный, что уже через пару минут на мне вымокает вся одежда, кожаные ботинки сыреют, становится попросту холодно. Стоять на одном месте, пережидая дождь, скучно, и Эктор начинает обходить ближайший подлесок. Через минуту он подзывает нас к какому-то дереву и указывает на его плоды, говорит, что их можно есть.

Наше каноэ на реке Парусито

Такого прежде я никогда не видел, даже на фотографиях. Плод этого дерева представлял собой круглый ярко-желтый шар размером со средней величины яблоко и имел плотную оболочку-кожуру. Съедобным было то, что находилось внутри.

Необходимо было взломать оболочку. Под ней находи-

лись шесть крупных симметрично расположенных косточек, по форме и величине напоминавшие финики. Сами косточки располагались в густой плотной киселеобразной слизи. На вид все это выглядело не очень-то приятно, но съедобной была именно слизь. Надо было взять косточку в рот, сосать и обгрызать ее до тех пор, пока полностью не проглотишь всю эту слизистую массу – она обладала приятным тонким сладким и тонизирующим вкусом.

Хоти – люди леса

Два дня мы поднимались вверх по течению реки Парусито, а затем по ее небольшому левому притоку – реке Каньо-Бандарита. Наше длинное узкое каноэ, выдолбленное индейцами пиароа из цельного ствола дерева и оснащенное мотором, сторонясь затопленных стволов упавших деревьев, монотонно следовало многочисленным изгибам мутно-желтой реки. С обеих ее сторон величественно возвышался роскошный тропический лес. Кайманы и игуаны с любопытством поглядывали на нас с берега, речные дельфины то и дело всплывали, показывая свои спины, пугаясь шума мотора, на деревьях затихали обезьяны-ревуны, над головой пролетали попугаи, туканы, огромные коричневые бабочки морфо – всюду кипела жизнь! В эти дни я чувствовал себя счастливым – редкое ощущение реального счастья в настоящий конкретный момент – сбылась моя давняя мечта!

Река Парусито

Мои проводники искали лишь им знакомые приметы, как выяснилось позже, – тихую лагуну, скрывавшуюся за очередным изгибом реки. Через несколько часов хода причаливаем каноэ к берегу – до стоянки хотя дальше надо идти пешком.

Аксель и Эктор снимают японский подвесной мотор, выгружают на берег бочки с бензином. Смотрю, они просто заносят все это добро в ближайшие кусты, лишь слегка прикрывая его ветками. У хотя мы должны провести несколько дней, в нескольких километрах от этого места.

– Как же мы оставим здесь мотор, бензин и каноэ без присмотра? Вдруг кто-нибудь украдет все это? Как же мы тогда

вернемся назад? – недоуменно спрашиваю я.

Первые минуты встречи с ХОТИ

Женщина хоти

– Не волнуйся, здесь в Сьерра-де-Маигуалида нет людей, – отвечают мне проводники.

Вдоль лагуны идет тропа, уходящая от Каньо-Бандарита вглубь леса. Оставив каноэ на берегу реки, мы двигаемся в путь. Сразу же приходится пробиваться через сплетения лиан и какие-то колючки, помогая себе мачете. Но лес скоро кончился, и мы вступили в льяносы. Я увидел величественную гору-тепуи Яви, возвышавшуюся над долиной.

Тепуи – древние горы Гвианского плоскогорья на юге Венесуэлы и севере Бразилии. Для тепуи характерны плоские вершины.

Путь по льяносам оказался также недолгим – мы вновь вступили под полог тропического леса, раскинувшегося у подножия диких и таинственных гор Сьерра-де-Маигуалида. Тропа вела к индейцам хоти.

Я еще никого не успел увидеть, когда мои проводники кому-то приветственно закричали. Тропа проходила вдоль небольшой лесной речушки, на другом берегу которой показался голый индеец, на нем были надеты лишь зеленая набедренная повязка и красные бусы на шее. Он что-то кричал на незнакомом языке и оживленно нам жестикулировал, указывая на хрупкую переправу через разделяющую нас речуш-

ку. Переправа представляла собой импровизированный мосток, образовавшийся благодаря упавшим стволам деревьев, к ним хотя в качестве поручней привязали лианами несколько крупных стеблей от больших листьев пальмы. Индеец помог нам перенести вещи на другой берег, и мы оказались лицом к лицу с хоти.

Хоти – немногочисленный индейский народ, насчитывающий в настоящее время около девяносто человек. Они живут в тропических лесах на границе федеральной территории Амазонас и штата Боливар в Венесуэле. Первые контакты хоти с внешним миром состоялись в 1940-х годах. Однако тогда они были спорадическими и не имели постоянной основы. В жизни древнего народа мало что изменилось. Племя делится на несколько субэтнических групп: оречикано, чикано, шикана, варувару, юана и другие.

Один из моих проводников незадолго до нашей маленькой экспедиции на берега Каньо-Бандарита был у одной из таких групп хоти. С его слов, они радушно его встретили, и он прожил вместе с ними полгода. Поэтому теперь мы пришли, можно сказать, к старым друзьям и вполне логично рассчитывали на радушный прием. Так и выходит – хоти нам рады.

Все поселение хоти состоит из двух хижин, расположенных в десяти метрах друг от друга, одна из которых забро-

шена, вокруг плотной стеной возвышается девственный лес. Немного в стороне, в лесу, безо всякой расчистки, просто под пологом деревьев, находится третья хижина, к ней ведет протоптанная тропа.

Жилище хоти

Пустующее жилище хоти

Группа хоти, к которой мы пришли, жила здесь уже два года. Как мне пояснили, всего она состояла из тринадцати-пятнадцати человек.

Проводники называют мужчину Матео.

– Почему Матео? Его так зовут или он понимает по-испански? – огорченно спрашиваю я.

– Нет, он не Матео и по-испански не понимает и не говорит. Но надо же его как-то звать. У него другое какое-то очень сложное и длинное имя на языке хоти – слишком долго и сложно нам его произносить. Вот мы и зовем его Матео.

Встретивший нас хоти жестами дает понять, что сейчас

мужчины и часть женщин ушли на несколько дней на охоту, так что нас встречает всего восемь человек – мужчина лет сорока, его жена, молодая женщина с грудным ребенком, две девочки пяти-семи лет и два мальчика восьми-десяти лет.

Мужчины и женщины хотя ходят практически обнаженными. Мужчина и мальчики носят набедренные повязки. У женщин и девочек лобок прикрывает лишь небольшой треугольничек, сотканный из хлопка, на груди у них висят, одетые крест-накрест, бусы из разноцветного бисера.

В знак гостеприимства Матео угощает нас имевшейся у него копченой пираньей и рыбой – местной разновидностью сома. Пиранья оказывается очень вкусной и напоминает мне обычного российского карася, разве только в ней значительно меньше костей. В свою очередь, мы дарим индейцам заранее припасенные для них две пачки пищевой соли, зажигалки, крючки, лески, иголки.

Густой лес надежно скрывает мир хоти

Интерьер жилища хоти

С разрешения хоти развешиваем свои гамаки в стоящей

по соседству с их жилищем пустующей хижине, принадлежащей индейцам ябарана. Мои проводники разъясняют, что такое соседство – исключение. Ближайшие соседи хотя – индейцы ябарана – практикуют подсечно-огневое земледелие и живут в нескольких километрах отсюда в постоянной деревне, а здесь у них небольшая заимка-плантация в лесу. Рядом, вместе с хотя, вроде как веселее в первобытном лесу, и ябарана сюда периодически наведываются собирать урожай.

И, действительно, приглядевшись, я увидел беспорядочно разбросанные между лесными деревьями посадки горького маниока, бананов для варки, красного сладкого перца, папайи, саженцы деревьев какао и манго.

Индейцы ябарана повалили здесь несколько исполинских деревьев, отчего образовалась поляна диаметром в десять-пятнадцать метров. Тут же совершенно без присмотра ходили оставленные хозяевами и куры ябарана, к которым хотя не проявляют ни малейшего интереса. Точно так же хотя не проявляли интереса ни к созревшим плодам на деревьях ябарана, ни к прочему их оставленному хозяйству. Все необходимое для жизни хотя приносили из леса и ловили в реке.

Хотя, к которым мы пришли, совсем не говорили по-испански, поэтому наше общение с ними происходило, по большей части, на языке жестов. Я спрашивал, как на их языке называется тот или иной предмет. Хотя отвечали, я

записывал и потом пытался произнести. Мы охотно общались друг с другом, узнавая каждый для себя много нового.

Еще в середине XX века хотя ходили совершенно обнаженными. Моду на набедренные повязки они переняли совсем недавно от своих соседей – индейцев панаре, с которыми состоят в культурном родстве. Сегодня набедренной повязкой у мужчин служит кусок хлопковой материи, протянутый между ног, концы которой перекидываются через поясной шнур спереди и со спины.

В 2001 году женщины хотя продолжали ходить практически обнаженными. Вся их одежда представляла собой маленький треугольный кусочек хлопковой матери, прикрывающий лобок.

Вырываю из записной книжки чистый листок и рисую на нем нехитрый портрет рядом стоящего мальчишки – он очень рад, что я его нарисовал. Дарю ему этот листок.

– Вы хотя? – спрашиваю я индейских мальчишек на чистом русском языке, показывая на них рукой. Они понимают только язык жестов, да слово «хотя» и, выпрямившись, гордо отвечают мне: «Хотя!»

У своей хижины ябарана оставили корыто для пива, украшенное вырезанными головами ягуаров

Интересный рисунок

Я обращаю внимание, что на нашей расчистке по земле

и поваленным деревьям в огромных количествах ползают какие-то маленькие ярко-красные жуки. Особых хлопот они вроде бы нам не доставляют.

– Кто это? – спрашиваю хоти.

– Укуньи, – говорят.

– Кусаются? – и сопровождаю свой вопрос характерным движением пальцев, изображая укус. Корчат гримасы, что-то говорят на своем языке – понимаю, что кусаются.

Пытаюсь повторить вслух вслед за ними «укуньи». Мое произношение на хоти вызывает всеобщее веселье и улыбки. Зато с обозначением дождя значительно проще – на хоти это просто долгое «о-о-о-о-о-о».

Наибольшей популярностью у всех хоти, как и у ябарана, пользуются мои витамины С. Они нравятся всем – и взрослым, и детям. Поэтому в скором времени все хоти научились произносить по-русски: «Витамина».

Хоти разрешают мне свободно заходить к ним в хижину, благодаря чему я имею возможность подробно изучить ее конструкцию и интерьер. Их жилище представляет собой прямоугольную в плане хижину под двускатной крышей, покрытой большими пальмовыми листьями (такими же, какими устилают крыши своих жилищ индейцы ябарана), доходящей до земли. Каркас хижины составляют жерди, скрепленные между собой в п-образную форму – непосредственно на них и опирается вся конструкция крыши. Но в отличие от искусной, с большим мастерством подогнутой и сплетен-

ной крыши у ябарана, у хоти пальмовые листья набросаны с весьма условной подгонкой, что выдает временный, непостоянный характер данного типа жилища. На верх п-образного каркаса хозяева продольно настелили жерди, что позволило им организовать своеобразный чердак под смыкающейся кровлей – на нем хранятся духовые трубки, копья, корзины.

Каждый хоти, за исключением грудного ребенка, спящего вместе со своей матерью, имеет свой гамак.

Гамаки хоти – это многочисленные почти двухметровые нити, скрученные из растительных волокон, несколько раз перетянутые в поперечники по всей своей длине такими же, но более тонкими, нитями.

В хижине у хоти постоянно тлеют три-четыре костра, которые по мере надобности с помощью умелых и ловких движений они заставляют вновь вспыхнуть, используя при этом не только свое умение, но и специальные маленькие плетеные опахала, лежащие рядом с костром.

Автор книги около хижины хоти

К опорным столбам конструкции жилища в большом количестве подвешены плетеные корзины с домашним скарбом. На плотно утоптанном земляном полу лежат плетеные циновки и стоит деревянный чурбан для сидения.

Вместе с людьми в хижине живут две собаки, имеющие свой персональный настил-лежак, попугай с ярким зелено-красно-желтым оперением, какая-то маленькая лесная птичка со своими крохотными птенцами и пушистый зверек-грызун, которого хоти называют лара.

Трут для добывания огня

Под крышами хижин висят подвязанные лианами сухие чурки – хотя до сих пор добывают огонь трением, и чурки ни при каких обстоятельствах не должны намокнуть! Тонкую стружку, получающуюся в процессе выточки стрел для духовой трубки, используют для разжигания огня – у хити также всегда найдется ее небольшой сухой пучок.

Следуя какому-то своему обычаю, хотя развесили черепа и челюсти съеденных ими животных на шесты и ветки вокруг своей хижины, так что возле их жилища красовались большие челюсти тапира, челюсти маленьких кайманчиков, обезьяньи черепа.

Тропическая ночь наступает очень быстро. Разница между светлым временем суток и полной темнотой составляет всего двадцать-двадцать пять минут.

Ложась спать, мои проводники всегда долго беседуют между собой на испанском. Сопровождающий нас индеец ябарана чаще молчит и не участвует в этих разговорах. За стенами хижины слышатся звуки ночного леса.

Лишь как-то раз в одну из ночей наш ябарана прервал их разговор. Тогда я еще не знал хорошо испанского и разобрал только «ла тигра». Беседующие тут же замолчали и стали прислушиваться.

А наутро Аксель спросил меня: «Ты ночью что-нибудь слышал?»

– Да так, ничего особенного, как и раньше, обычные звуки ночного леса.

– Наш ябарана ночью в лесу, совсем рядом, слышал рычание ягуара, он ходил где-то недалеко от нас.

Только теперь я осознал значение ночного «ла тигра».

Мои проводники каждый день надолго уходят на охоту или рыбалку.

Они говорят мне: «Пойдем с нами! Чего тебе тут сидеть?»

Я отказываюсь. Тогда они спрашивают меня: «Ты побудешь здесь один, хорошо? Тебе не будет страшно?»

Мне их вопросы кажутся просто глупыми. Они не понимают, что я остаюсь здесь ради хоти и никакого страха вовсе не испытываю.

Проводники уходят, и я остаюсь один на один с хоти. Мне интересно быть с ними, наблюдать за их жизнью.

Хоти, кажется, тоже понимают странного пришельца, интересующегося их жизнью, – никакой агрессии или неприязни – наоборот, индейцы с охотой показывают мне, чем они занимаются, разрешают зайти в хижины.

Один из мальчишек приносит из леса странный плод продолговатой формы. Говорит, что это некая курвата. С очень серьезным видом он начинает что-то мастерить из курваты, ловко орудуя ножом. Я наблюдаю за ним. Он разламывает плотную кожуру ножом – внутри большая мохнатая белая метелка. Выкидывая за ненадобностью метелку, он продолжает деловито расщеплять и резать плотную оболочку кур-

ваты. Сделав таким образом несколько продолговатых заготовок, соединяет их между собой в какой-то только ему понятной последовательности. В итоге получается своеобразная крестообразная штукавина, напоминающая не то самолет, не то какой-то замысловатый каркас. Паренек критически осматривает получившееся изделие.

Курвата

Конструкция, изготовленная из курваты

– Что это, самолет? – спрашиваю его, изображая шум мотора и показывая на небо. Над территорией хотя изредка пролетают самолеты, и мне кажется, что мальчишка мог его имитировать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.